

Рольф Тоштендаль

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЗМА? НЕО-ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И “ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ” В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

За последние 20 лет в социальных науках произошел «поворот» в сторону истории. Движущей силой этого тренда стал так называемый нео-институционализм. Существуют разные трактовки этого термина, но общее для них — признание особой роли социальных установлений для членов общества. «Социальные установления» в данном контексте означают некоторые ограничения или принуждения. Подразумевается, что люди не просто говорят: мне это нравится, и поэтому я выбираю именно это. Существуют социальные ограничения, принуждение к соблюдению определенных правил.

Люди действуют с оглядкой на общество, пытаясь понять, что от них требуется, какие ожидания на них возлагаются — со стороны работы, семьи, партии, церкви. Эти организации или институции формировались исторически, они предъявляют индивиду вполне ощутимые требования и их влияние сказывается на желаниях и приоритетах людей. Так история (прошлое) воздействует на поступки человека, совершаемые в настоящее время. Коротко говоря, в этих тезисах и заключается суть того явления, которое мы называем новым институционализмом или нео-институционализмом.

Следующие наблюдения призваны лишь очертить проблематику, которую трудно полностью раскрыть в небольшой статье. Итак, нео-институционализм и его следствие — поворот к истории в социальных науках — не лишены предшественников. Особенно любопытно, что нео-институционализм схож с некоторыми формами историзма как течения мысли, характерного для середины XIX века.

Леопольд фон Ранке и Дуглас Норт, эти ученые, казалось бы, настолько далеки друг от друга, насколько это вообще возможно представить. Ранке (1795–1886) воспринимается как достопочтенный «памятник» историографии. Согласно его воззрениям, история

дает ответы на хитросплетения, острые вопросы современности и раскрывает секреты жизни. Прежде, до Ранке, эти вопросы считались прерогативой философии, ее доменом. Философы начала XIX века с пренебрежением думали о современниках-историках.

Фихте считал историков, поглощенных работой с эмпирическими данными, неспособными к интеллектуальной рефлексии, которую может дать лишь философия. Ранке пересмотрел эту идею. Он начал критику гегельянства, представлявшего историю как логический процесс развития, описываемый как тезис — антитезис — синтез. Подобный схоластический подход разрушает все жизненное, говорил Ранке в лекциях, посвященных характеристике исторических эпох (лекции адресовались королю Баварии)¹. И уже с тех пор, после 1854 года, Гегель нередко характеризуется как скучный и тенденциозный мыслитель, представитель не яркой и живой мысли, но сухой теории, в то время как Ранке и историков его школы начинают воспринимать как обладателей ключа к пониманию истинной жизни и истории человечества. Этот ключ и представлял собой то, что позже было суммировано в концепте “историзм” или “историцизм”.

Второй из названных мной великих основателей двух направлений мысли, которые я хотел бы здесь обсудить, это Дуглас Норт². Норт (р. 1920) был награжден в 1993 г. премией по экономике, учрежденной в честь Альфреда Нобеля (хотя Нобель никогда не представлял себе возможности наградить призом экономиста). Норт получил образование как экономист, но уже в начале карьеры сделал главным направлением своих исследований экономическую историю. Он считал, что экономику следует изучать с точки зрения ее функционирования в обществе, а не по теоретическим моделям, как делали другие экономисты. Более того, полноценное изучение соци-

¹ *Ranke Leopold von.* Aus Werk und Nachlass / Ed. by T. Schieder & H. Berding). Vol. 2, *Über die Epochen der neueren Geschichte.* München & Wien (Oldenbourg), 1971. P. 63-64.

² Норт (North), Дуглас Сесил, американский экономист. Тесно связывал рыночную экономику с социальными и политическими институтами и считал, что изучение изменений последних должно быть неотъемлемой частью экономической теории. Первым в начале 1960-х гг. привлек внимание к клиометрии, новому направлению в изучении экономической истории, основанному на статистическом анализе данных. *The Nobel Prizes 1993* / Ed. by Tore Frängsmyr. Stockholm (Nobel Foundation), 1994 (internet, <http://nobelprizeorg>).

альных феноменов предполагает их углубление в прошлое — непосредственно близкое или отдаленное.

Норт заглянул глубоко в прошлое и почерпнул из истории, начиная с ее первоначальных стадий, некоторые наблюдения над экономическими моделями. Работая над этим, он обнаружил нечто, для названия чего использовал позаимствованный у Ричарда Хайека термин *collective learning*. Коллективное знание состоит в тех опытах, которые прошли проверку времени и уже вошли в наш язык, институты, технологии и способы действия, как сказал Норт в своей нобелевской лекции. Это коллективное знание является ядром его концепции института, который включает в себе фундаментальные для общества принципы и общественные идеи. Это, например, церковь в средневековой Западной Европе, точно так же, как рынок в настоящее время. Институты могут изменяться или исчезать, но их способы фильтрации нашего опыта меняются медленно. Благодаря такой «историзации» общества, Норт стал пророком для многих представителей социальных наук. В сущности, Норт придал новое значение концепту *path dependence*³.

Кажется, этот термин возник у него в книге «Институты, институциональные изменения и экономические представления» (опубликована в 1990 г.). Термин употреблен здесь Нортом только в паре случаев и не играет заметной роли. Это интересно, но в то же время

³ Речь идет о «зависимости от пройденного пути», т.е. от прошлого состояния вещей в изменившейся ситуации, когда прежние факторы влияния, уже не играющие никакой роли, продолжают приниматься во внимание как ныне действующие правила. Концепт был прежде использован экономистами для обозначения ограничения выбора, который является результатом использования специфической технологии для определенной цели. Излюбленный пример в этой связи — использование qwerty-клавиатуры компьютера. Клавиатура этого дизайна была присуща пишущей машинке, и ее хотели изменить исследователи новых и лучших форм клавиатур. Но ни производители, ни те, кто был знаком с прошлым типом печатания, не оценили бы перемены. Также те, кто нанимал специалистов по набору текстов, привыкших к старой системе набора, не были готовы к тому, чтобы купить клавиатуры нового дизайна. Таким образом, это типичный пример того феномена, который называется «зависимость пути». Этот пример часто обсуждается в Интернете в связи с проблемой экономической необходимости. Некоторые из выступавших подчеркивали, что на самом деле qwerty-дизайн был не хуже предлагаемых новых моделей.

не должно сбить с толку читателя: идея *path dependence* присутствует во всей второй части книги. Такие институты, как рынок и другие, понимаемые как системы правил, делают возможным создание организаций (например, торговых и индустриальных компаний). Институты «погружают» эти организации в историю: решения принимаются по определенным правилам. Поэтому они нацелены на непрерывность и традицию в этой системе правил. Таким образом, даже когда Норт явно не пользуется понятием *path dependence*, он придерживается именно этой идеи.

Сказанное относится к книге 1990 года. Я не собираюсь углубляться в анализ изменений в размышлениях Норта. Здесь достаточно заметить, что для многих специалистов была неожиданной предложенная им интерпретация *path dependence*. Для понимания концепции Норта следует прояснить понятие «институт».

Норт является «институционалистом», а это означает, что он не разделяет позицию, подчеркивающую роль рынка и только рынка (во всех его ипостасях и проявлениях — экономической, политической, религиозной и других сферах) как фактора, который формирует условия, определяющие поведение человека. Странники классических теорий, приверженцы особой роли рынка развивают концепции о конкуренции товаров, идеологий и философий на уже упомянутых основаниях. Институционалисты же рассматривают как часть теории то, что было создано человеком в ходе истории и привнесено в развитие социальных систем и норм. В этом случае история является фундаментальным основанием.

И последнее замечание вводного характера. Существуют две различные точки зрения относительно того, какого рода социальные установления следует включать в понятие «институт». Некоторые из них понимают под «институтами» и нормативные системы (рынок, политическую демократию), и такие организации, как, например, парламенты разных стран или же отдельные компании.

Норт делает различие между, с одной стороны, нормативными системами, к которым относятся институты, функционирующие в соответствии со специфическими целями, заложенными в самом определяющем их понятии, и, с другой стороны, организациями, созданными в соответствии с нормами, типичными для институтов как таковых. Я продолжу более подробное развитие аргументации как

одной, так и другой позиции, однако хотел бы подчеркнуть, что, по моему мнению, ни одна из названных позиций не является однозначно предпочтительной. В своей статье я буду употреблять те понятия и те их значения, которые использовал Норт.

Читатели могут возразить: Мы согласны с тем, что и Ранке, и Норт, а также их последователи подчеркивают значимость истории. Однако данный факт не является основанием для утверждения о сходстве их идейных позиций. Понимание истории может иметь различные интерпретации, и два мыслителя могут вкладывать совершенно разное содержание в историческое развитие человечества. Это, несомненно, так, поэтому в последующем изложении я более пристально проанализирую их аргументации, особенно аргументацию Ранке, которая относится к пониманию основ историзма.

Во введении к книге «История историзма»⁴ Ф. Егер и Й. Рюзен начинают со следующего заявления: «Историзм является специфическим стилем исторического мышления и соответствующего понимания исторической профессии. Это тип мышления, сосредоточенный на возможности познать специфику прошедших эпох как отличных от настоящего. В то же время этот стиль мышления направлен на поиск всеобъемлющих отношений между различными эпохами». Такая характеристика историзма является достаточно общепринятой, но ни в коей мере не единственной. О.Г. Эксле подчеркивает широкий диапазон использования и многозначность понятия историзма, так как он применялся представителями различных областей знания и в различные исторические периоды⁵.

С 1880-х гг. в Германии развернулась дискуссия по поводу понятия *Historismus*⁶. Само понятие имеет более раннее происхождение, но оно стало употребляться для обозначения определенной историографической школы с 1930-х гг., когда Фридрих Майнеке ввел его в том смысле, который и стал доминирующим в ходе названной

⁴ Jaeger F. & Rüsen J. Geschichte des Historismus. Eine Einführung. München, 1992 (в переводе я стремился быть как можно ближе к оригиналу, но не полностью передаю цитату — P.T.).

⁵ Oexle O.G. Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus. Göttingen, 1996. S. 41-53.

⁶ Iggers G. Historismus im Meinungsstreit // Oexle O.G. & Rüsen J. (eds.). Historismus in den Kulturwissenschaften. Köln etc., 1996. P. 7-27.

дискуссии в Германии⁷. Более ранним было понимание историзма как «фундаментальной историзации размышлений по поводу человечества, его культуры и ценностей», если заимствовать формулировку, предложенную Эрнстом Трёлльчем в 1922 г.⁸ Но если вернуться к Ранке и его взгляду на историю (который он еще не называл историзмом), то основные положения, как представляется, выглядят следующим образом: 1) европейские народы составляют специфическое сообщество в смысле общей идентичности, которая укреплялась ими в процессе войн и борьбы за превосходство; 2) государства представляют собой образования, которым присуще собственное (коллективное) понимание обязанностей их подданных; 3) нельзя рассматривать времена, события или ситуации только как средство достижения последующей фазы истории («каждая эпоха прямо связана с Богом»⁹, — говорил Ранке, — и это означает, что она имеет свою собственную особую ценность); 4) непрерывность (и отсутствие резких скачков) создают историю человечества.

В современных работах, особенно в исследованиях Рюзена, заметна тенденция рассматривать *Historismus* как способ или метод организации знания. Для него особое значение имеет то, **как** Ранке и последующие историцисты учились извлекать знание о прошлом, нежели **что** они считали наиболее важным в прошлом как суть историзма. Рюзен назвал это *Wissenschaftsparadigma*, парадигмой научного знания. Таким образом, он подчеркивает беспристрастность историка и значимость работы с первоисточниками как основные составляющие понимания историзма Ранке. В этом отношении нет единства мнений. Так, для Трёлльча решающим был имевший философскую основу вопрос **что**: Что было важным в концепции истории Ранке? Что составляло основу исторического развития? Что представляла собой мотивация поступков человека в прошлом? Многие следовали за Трёлльчем, рассматривая поставленные вопросы как фундаментальные для понимания историзма Ранке.

Дж. Иггерс обратил внимание на то, что за пределами Германии в академическом сообществе конца XIX столетия не было общепри-

⁷ Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. Vol. 1-2, München, 1936.

⁸ Der Historismus und seine Probleme, Gesammelte Schriften 3 (1922/1977). P. 9.

⁹ Ranke, Leopold von. Op. cit. P. 59-63.

нятым связывать с именем Ранке разрыв с предшествовавшей традицией. Габриель Моно видел в нем одного из тех историков, которые способствовали трансформации исторической дисциплины к середине столетия. Неверно было бы, как справедливо отмечает Иггерс, полагать, что Ранке сформировал традицию профессиональной подготовки историков, за которую впоследствии его превозносили американские, немецкие и не-немецкие европейские историки.

Немецкие неоранкеанцы (особое направление исторической мысли, расцвет которого приходится на рубеж XIX и XX вв.) преодолели некоторые метафизические предположения, из которых исходил Ранке. Как подчеркивал Иггерс, «для Ранке государство — это “идея Бога”, соединявшая в себе идеальное и реальное, и это теоретическое наследие было впоследствии развито нео-ранкеанцами»¹⁰.

Невозможно решить, что «в действительности» представляет собой историзм. Есть ряд различных интерпретаций, основанных на разных текстах, относящихся к разным периодам. Если оставаться в рамках творчества Ранке и его времени, то тогда мы должны отказаться от признания историзма как методологии. Для Ранке другие аспекты были гораздо более важными, чем метод, даже если он и делал свои комментарии относительно него. Он, возможно, и обучал своих учеников методам (наряду с другими вещами), но наиболее значимыми для него в процессе обучения были идеи государства и континуитета, идеи, которые оказали глубокое воздействие на всех его учеников и последователей и имели фундаментальное значение для формирования исторического сообщества, состоявшего из тех, кто разделял эти взгляды и нормы¹¹. Это сообщество разделяло идеи европейской исторической идентичности, непрерывности всего процесса развития и божественной коллективной природы государства. Идеалистически-реалистическая (*real-geistlich*) природа государства, понимаемая как божественная идея (*die Gedanken Gottes*), распространялась и на все государственные институты.

В контексте философии периода Романтизма не следует пони-

¹⁰ Iggers G. The crisis of the Rankean paradigm in the nineteenth century // Iggers G.G. & Powell J.M. (eds.). Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline. Syracuse (Syracuse U.P.), 1989. P. 170-179.

¹¹ Я разберу позже в краткой форме вопрос о важности научного сообщества для развития профессионализма.

мать термин «божественное» слишком буквально. В основном, он служит раскрытию особой природы тех явлений, которые характеризует, и которые находятся над уровнем повседневности, творений рук человеческих, и имеют отношение к вечности. Идея «круга» или цикла в интерпретации Ранке акцентирует возможность для историка рассматривать каждый период и общество как обладающее собственными целями, но не как ступеньку к чему-то еще.

Если следовать Рюзену, то нет ничего удивительного в обнаружении сходства между историзмом и экономическим институционализмом. Развивая различные интерпретации по поводу исторического места *Историзма*, Рюзен придерживается идеи об отсутствии противоречий в истории. По его мнению, *Историзм* не заменил философию Просвещения, а вобрал ее в себя. Поэтому философия Просвещения не возродилась в идее «современности» (модерне) и модернизации в XX в., а, скорее, все разрывы между эпохами стерты, и нет конца *Историзму*¹². *Историзм*, таким образом, оказывается способным выживать в новых формах.

В Германии состоялась бурная дискуссия по этому поводу. Обсуждался вопрос о том, принадлежит *Историзм* определенному периоду развития историографии или нет. Позиция Рюзена представляется привлекательной, но слишком упрощенной. Предполагается, что различные позиции в истории идей способны выжить в новых формах внутри последующих, успешно конкурировавших с ними направлений науки и философии. Противоречия, таким образом, полностью исчезают. Очевидно, что Рюзен не это имеет в виду. Однако если считать, что содержание понятий «модерн» и «прогресс» вбирает в себя концепт *Историзма*, толкуемый в этом духе, то такой взгляд на историю представляется весьма перспективным¹³.

¹² *Rüsen J.* Historismus als Wissenschaftsparadigma. Leistung und Grenzen eines strukturgeschichtlichen Ansatzes der Historiographiegeschichte // Historismus in den Kulturwissenschaften. P. 126.

¹³ Рюзен допускает амбивалентное высказывание по этому поводу. С одной стороны, он указывает, что *Historismus* — это эквивалент *Verwissenschaftlichung* истории (т.е. речь идет о профессионализации с упором на нормативную систему дисциплины). С другой стороны, Рюзен подчеркивает переломный момент от XIX к XX в., когда парадигма *Historismus* отступает под влиянием социальных наук с их аналитическими методами. (Ibid. P. 129-30, 133-34).

Соблазнительно разрешить дискуссию о *Просвещении*, *Историзме* и *Модерне*, декларировав, что существует «встроенное» в человеческий разум неразрешимое противоречие между ретроспективной, исторической интерпретацией изменений в настоящем и в прошлом, с одной стороны, и проспективной их интерпретацией с точки зрения прогресса и пользы — с другой. Любое такого рода заявление является, однако, несерьезным, так как мы не знаем, существовало ли данное положение всегда и распространяется ли оно повсеместно. Кроме того, мы должны исключить возможность других альтернатив, что непросто. Представляется, что постмодернизм является попыткой сделать иной выбор, и эстетизм Хейдена Уайта и Фрэнка Анкерсмита, возможно, создает одну из альтернатив¹⁴.

Когда я говорил о том, что институционализм Норта является возвращением *Историзма*, я не имел в виду, что он включает в себя более ранние идеи научных школ, о чем было сказано выше. Напротив, я полагаю, что *Историзм* и родственные ему идеи умерли достаточно давно и не участвовали в формировании теорий социальных наук. Историзация человеческого опыта, предпринятая Нортом, вновь пробудила их к жизни. Это было сделано им не на индивидуальном уровне, что следовало бы ожидать от ученого, представляющего сциентистское направление экономической мысли, существенным элементом которой является методологический индивидуализм. Норт, совершенно так же, как Ранке и некоторые другие историки XIX столетия, являвшиеся представителями этой школы, воспринимает институты и коллективы как некие образования, аккумулирующие опыт. Отдельные люди, действующие внутри организаций, которые в соответствии с позицией Норта являются институтами, связаны коллективным опытом этих организаций.

Различие между *Историзмом* у историков XIX века и у Норта в основном состоит в том, что Норт редко рассуждает о действиях политиков и их окружения, а больше о менеджерах компаний или ад-

¹⁴ White H. "Interpretation in History" and "The Historical Text as Literary Artifact" // White H. *Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism*. Baltimore & London (John Hopkins U.P.), 1978; Ankersmit Frank. *Historical Representation // History and Tropology. Rise and Fall of the Metaphor*. Berkeley, Los Angeles & London, 1994. См.: Анкерсмит Ф.Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры* / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Катаева. М., 2003.

министраторах государственных учреждений и их окружении. Тем не менее, у них сходная проблематика: прошлое – не только база для интерпретаций актуальной ситуации, история накладывает свои ограничения на возможные действия акторов. В этом *Историзм* и неoinституционализм Норта совпадают.

Норт утверждает: «Теория *path dependence* является способом концептуально сузить диапазон выбора и связать во времени процесс принятия решений. Это не рассказ о неизбежности, при которой прошлое предрекает будущее... Мы можем теперь интегрировать изменения, связанные с *path dependence*, в институты, которые характеризуются устойчивыми моделями долговременного роста или упадка. Поскольку зависимое от пройденного пути направление развития уже определено, сеть внешних обстоятельств, процесс формирования организаций и исторически обусловленное субъективное моделирование результатов закрепляют это направление»¹⁵.

Фактически Норт разработал понятие *path dependence* и развил некоторые его аспекты достаточно недавно. Цитата из его книги «Понимание процесса экономических изменений», опубликованной в 2005 г., дает представление о этих новых аспектах. «Вопрос о том, как человеческие общества пытаются сформировать свое будущее, заставляет нас иметь дело непосредственно с фундаментальным аспектом процесса изменений, его исторической природой. Мы не в состоянии понять, куда мы идем, без понимания того, где мы находились. Как соотносится прошлое с настоящим и будущим — это и есть содержание понятия *path dependence* — понятия, которое используется, используется неверно и использованием которого злоупотребляют»¹⁶. В этой связи, Норт развенчивает суждение о том, что идея *path dependence* означает только то, что «выбор настоящего определяется системой институтов, унаследованных от прошлого».

Смысл этого понятия значительно шире. Идея *path dependence* «в более всестороннем ее понимании» требует признания того, что институты порождают организации, «выживание которых зависит от увековечивания этих институтов». И эти организации, в свою оче-

¹⁵ North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge etc., 1990. P. 98-99.

¹⁶ *Idem*. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton & Oxford (Princeton U.P.), 2005. P. 51-52.

редь, предоставляют ресурсы для поддержания жизнеспособности соответствующих институтов. Однако Норт не удовлетворяется этим объяснением и предлагает еще более емкое понимание *path dependence*: «Взаимодействие убеждений, институтов и организаций во всеобъемлющей структуре артефактов, делает *path dependence* фундаментальным фактором непрерывности развития общества»¹⁷.

Таким образом, Норт выделяет три уровня понимания *path dependence*. Первый состоит в том, что мы постоянно обращаемся к прошлому, когда осуществляем свой выбор на будущее. Это объяснение было отброшено как неинтересное. Второй — предполагает, что организации (в понимании Норта) имеют законный интерес в континуитете институтов, унаследованных от прошлого. Организации не приемлют неожиданных изменений в обществе, а наоборот, заинтересованы в том, чтобы оно продолжало движение по избранному пути. Наконец, третий смысловой уровень включает также системы верований и убеждений, которые, как и организации и институты, призваны сохранять непрерывность социального развития. Сам человеческий разум — основной творец *path dependence*¹⁸. Общества, вместо того, чтобы впадать в зависимость от революционных изменений (их считал необходимыми во избежание жесткости социальной структуры Манкур Олсон¹⁹), приобретают «эффективный механизм адаптации», посредством которого они меняют или создают институты по мере возникновения новых проблем²⁰.

Норт защищает идеи, созвучные концепции исторического развития, которую Ранке надолго ввел в обиход историков. Эта идея состоит в том, что изменения носят постепенный характер и зависят от предыдущего опыта и знаний, накопленных социумом.

Однако есть и весьма существенное различие между концепциями развития общества, предложенными Ранке и Нортом. Для

¹⁷ Ibid. P. 52.

¹⁸ Ibid. P. 83-85.

¹⁹ Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities. New Haven (Yale U.P.), 1982. На рус. яз.: Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998. См. также: Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

²⁰ North Douglass C. Understanding the Process of Economic Change. P. 169.

Ранке государство всегда являлось несущей конструкцией общества, и все социальные организации, которые он считал достойными упоминания, были органами государства. Они являлись либо политическими организациями, имеющими собственные права (парламенты, государственные советы, правительства и т.п.), либо административными единицами, обеспечивающими поддержку монарха или другим акторам, принимающим политические решения. Для Норта же главная структура — это общество, и он редко упоминает о государствах, даже в части определения политической стратегии. Интересы Норта лежат в такой области, как процесс изменения в сфере общественной экономики; главные элементы, которые он признает и рассматривает, это те, что влияют на спрос и предложение.

Несмотря на фундаментальные различия во взглядах и оценках значимости изучения разных аспектов исторической жизни, в выборе тех из них, о которых стоит писать, оба исследователя демонстрируют глубокое согласие по вопросам исторического развития и понимания истории. Используя разные термины (это легко приводит к тому, что аналитик не улавливает сходство их идей), они описывали тот же континуитет и то же представление о коллективном опыте, который как бы накладывает история на общество и индивидов. Понимание мира, и для Ранке, и для Норта, определяется историческим развитием, аккумулируемым в социальных образованиях, которые окружают индивида. Представление о *path dependence* — это современная вариация, новый термин для обозначения понятия, которое всегда стремился акцентировать Ранке, речь идет о *Geschichtlichkeit* — историчности. Оба концепта опираются на представление о том, что социальная жизнь — не поле импровизаций; этот процесс развивается исторически, не становясь, однако, предсказуемым.

Перевод с англ. Н.А. Селунской